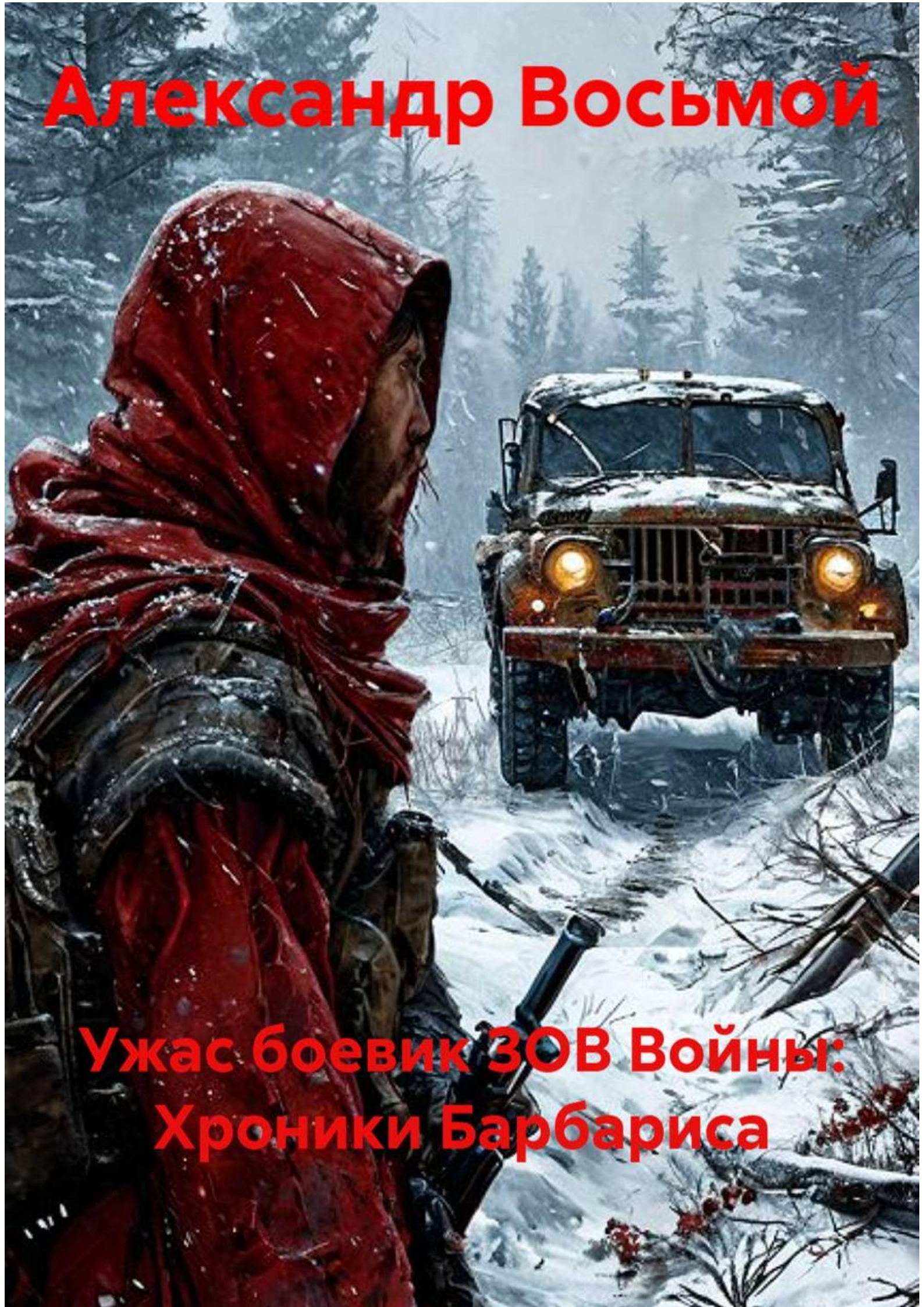

Александр Восьмой

**Ужас боевик ЗОВ Войны:
Хроники Барбариса**

Александр Восьмой

**Ужас боевик ЗОВ Войны:
Хроники Барбариса**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужас боевик ЗОВ Войны: Хроники Барбариса / А. Восьмой —
«Автор», 2026

«Зов войны» звучит в глухой якутской деревне — и Барбарис слышит его первым. Из тихой жизни среди снегов и легенд он в одно мгновение попадает в ад: автозак, военкомат, фронт, где смерть обрела зубы и когти. Враг — тёмный колдун Говночист, подчинивший саму смерть: павшие встают вновь, зомби псы несутся сквозь метель, а танки и вертолёт, набитые нежитью, стирают укрепления с лица земли. Вой собак здесь — не просто звук, а приказ к резне. Барбарис учится выживать в кошмаре, где каждый выстрел — крик отчаяния, а каждый шаг может стать последним. Он подрывает танки из РПГ — не ради славы, а из жажды возмездия. Но чтобы спасти фронт, мало сражаться: нужно проникнуть в самое сердце тьмы и разрушить ритуал, питающий армию мертвецов. Это история о цене победы: о том, как война переплавляет человека, оставляя в нём шрамы, которые не заживают. Сможет ли Барбарис оборвать зов — или тьма навсегда станет частью его души?

Александр Восьмой

Ужас боевик ЗОВ Войны:

Хроники Барбариса

Глава 1. «Шёпот в метели»

Деревня стояла в кольце снегов, будто забытая самим временем. Дома, почерневшие от ветра и мороза, жались друг к другу, как старики у угасающего костра. Над крышами висел тяжёлый, плотный воздух — такой, что даже крик растворился бы в нём, не успев родиться.

Барбарис сидел у окна, прижимая ладони к стеклу, чтобы хоть на миг почувствовать тепло. За мутным стеклом метель кружила, как бешеная волчица, рвущая пространство на лоскуты. Снежные иглы били в рамы, и казалось, что дом стонет, сопротивляясь натиску холода. В комнате пахло дымом, керосином и старой древесиной — запахом, который Барбарис знал с детства, но сегодня он казался чужим, будто принадлежал не его дому, а какой-то другой жизни.

Снаружи донёсся тихий, едва уловимый звук — не вой ветра, не скрип дерева, а что-то иное. Низкий, тягучий гул, будто земля сама выдыхала древнее проклятие. Он проникал сквозь стены, сквозь доски, сквозь кости. Барбарис замер, прислушиваясь. Звук был не снаружи — он был везде. Он вибрировал в груди, отдавался в висках, тянул куда-то прочь, за пределы деревни, в чёрные пустоши, где не было ни дорог, ни имён, ни памяти.

— Ты слышишь? — спросил он, оборачиваясь к деду, который сидел у печи, склонив седую голову над чашкой горячего чая.

Дед не поднял глаз. Его пальцы, узловатые, как корни старого дерева, медленно сжимали кружку.

— Слышу, — тихо ответил он. — Все слышат.

— Что это? — голос Барбариса дрогнул, и он сам почувствовал эту дрожь, как стыд за слабость.

Дед наконец поднял взгляд. В его глазах отражался тусклый свет керосиновой лампы, и в этом свете зрочки казались бездонными провалами.

— Это зов войны, — прошептал дед, и слово «война» прозвучало так, будто его нельзя было произносить громко — будто оно могло разбудить что-то, что лучше оставить спящим.

— Зов? — переспросил Барбарис, чувствуя, как холод, до этого лишь снаружи, теперь ползёт изнутри, по венам, по костям. — Что он зовёт?

— Того, кто слышит, — ответил дед. — Того, кто не может не пойти.

Барбарис хотел спросить ещё, хотел рассмеяться, сказать, что это просто ветер, просто метель, просто старые сказки, которыми пугают детей. Но он не смог. Потому что в этот момент зов стал громче. Он перестал быть звуком. Он стал притяжением — тяжёлым, неумолимым, как гравитация чёрной дыры. Он звал не словами, а самой сутью страха и долга, сплетая их в один узел, который невозможно развязать.

В ту ночь Барбарис не спал. Он сидел у окна и смотрел, как метель рисует на стекле узоры, похожие на шрамы. Каждый порыв ветра приносил с собой отголоски чего-то огромного, надвигающегося, неизбежного. И в какой-то момент он понял: зов не просто звучит — он выбирает. И он выбрал его.

А потом пришла тьма, не похожая на обычную ночь. Она была плотной, маслянистой, будто сама реальность истончилась, и сквозь прорехи проглядывало что-то чужое. Из этой тьмы вынырнул силуэт — огромный, угловатый, чёрный, как кусок ночи, оторванный от неба. Автозак.

Он остановился посреди деревни, и метель, казалось, отступила перед ним, словно боялась коснуться металла. Двери распахнулись, и из темноты выскочили фигуры в тяжёлой форме — быстрые, резкие, как удары ножа. Они двигались без слов, без суеты, с той механической точностью, которая страшнее любого крика.

Барбариса вытащили из дома, не дав даже накинуть тулуп. Холод ударил по коже, как пощёчина. Он пытался кричать, пытался вырваться, но его слова тонули в вое метели и лязге железа. Чьи-то руки, жёсткие, как стальные обручи, втащили его внутрь автозака. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным стуком, и мир сузился до тесного, пахнущего ржавчиной и потом пространства.

Внутри было темно, только тусклый красный свет лампочки выхватывал из мрака углы и тени. Барбарис прижался к стене, чувствуя, как дрожь, которую он сдерживал, наконец прорвалась наружу. Он не понимал, что происходит, но знал одно: зов привёл их. Зов привёл тех, кто забирает.

Машина тронулась, и деревня исчезла за стеной метели, будто её никогда и не было. Барбарис закрыл глаза, но перед внутренним взором всё ещё стояли очертания родного дома, тусклый свет лампы и глаза деда, в которых читалось не осуждение, не жалость, а тихое, горькое знание: тот, кто слышит зов, уже не принадлежит себе.

Метель завывала за стенами автозака, и в её вое Барбарису чудился тот самый низкий гул — теперь уже не шёпот, а рёв, разрывающий небо. Зов войны больше не шептал. Он кричал. И Барбарис понял: он уже на пути туда, где этот зов станет реальностью. Туда, где вместо людей — зомби, вместо техники — проклятые машины, а вместо надежды — только выстрел в темноту и надежда, что он достигнет цели.

Глава 2. «Автозак в белой мгле»

Рассвет в деревне не был рассветом в привычном смысле. Он не золотил крыши и не будил петухов — он лишь разбавлял чёрную ночь серой, безжизненной дымкой. Метель не утихала, она просто сменила ярость на холодную, методичную жестокость: снег падал не хлопьями, а острыми иглами, царапая лицо, забиваясь под воротники, проникая в каждую щель.

Барбарис стоял у окна, всё ещё чувствуя на коже остатки ночного холода, будто сам воздух был осколком льда. Он прислушивался, но зов больше не звучал так отчётливо. Теперь он ощущался не как голос, а как тяжесть в груди — как груз, который нельзя сбросить.

И вдруг тишина треснула.

Сначала это был не звук, а вибрация — тонкая, едва уловимая дрожь земли, которую можно было почувствовать только босыми ногами на дощатом полу. Потом пришёл гул: низкий, металлический, чужой. Он не был похож на вой ветра или скрип деревьев. Это был звук машины — огромной, тяжёлой, безжалостной.

Автозак вынырнул из метели, как чёрный кит из бурного моря. Его массивный корпус казался не частью мира, а вторжением из иного измерения, где нет места теплу и словам. Он двигался медленно, но неотвратимо, сминая сугробы, будто те были не снегом, а пылью. Фары не горели — в этом не было нужды: сама тьма словно стекалась к нему, делая его центром пустоты.

Двери распахнулись с лязгом, от которого у Барбариса заныли зубы. Из темноты выскочили фигуры в тяжёлой форме — не люди, а силуэты, очерченные жёсткими линиями бронежилетов и шлемов. Их движения были отточенными, лишёнными эмоций, будто они не действовали, а исполняли программу.

Они шли прямо к дому Барбариса.

Он хотел закричать, хотел броситься к двери, запереть её, спрятаться, раствориться в стенах родного дома. Но ноги не слушались. Страх сковал их, превратив в ледяные столбы.

А потом дверь сорвали с петель одним резким движением, и холод ворвался внутрь, сметая остатки уюта.

— Не надо! — выкрикнул Барбарис, но его голос утонул в вое ветра и лязге металла.

Его схватили жёстко, без церемоний. Пальцы, защищённые перчатками с жёсткими накладками, впились в плечи, выворачивая суставы. Кто-то ударил его в бок — не сильно, но достаточно, чтобы дыхание перехватило, чтобы реальность стала резкой и болезненно чёткой. Его тащили по снегу, по льду, по осколкам прежней жизни, и каждый шаг отдавался в груди ударом.

Деревня замерла. Люди стояли в дверях, в окнах, в проёмах сараев — молчаливые, бледные, с глазами, полными ужаса и... странного, почти виноватого понимания. Они не пытались помочь. Они знали, что это бесполезно. Они слышали зов. Они знали, кого он выбирает.

Барбариса швырнули в автозак — в тесное, пахнущее ржавчиной, потом и чем-то сладковато-гнилостным пространство. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным стуком, отрезая его от деревни, от дома, от деда, от всего, что было родным. Внутри царила полутьма, разбавленная тусклым красным светом аварийной лампы. Этот свет делал лица конвоиров похожими на маски демонов: тени ложились так, что глаза исчезали в провалах, а улыбки, если они и были, превращались в оскалы.

— Сидеть, — коротко бросил один из них, и в этом приказе не было ни гнева, ни злобы — только механическая необходимость.

Барбарис прижался к стене, чувствуя, как холод металла проникает сквозь одежду, добираясь до костей. Он хотел спросить: «За что?», «Куда?», «Почему я?», но слова застревали в горле, превращаясь в сухой кашель. Он посмотрел в зарешечённое окно, но увидел лишь белую мглу — бесконечную, равнодушную, поглотившую всё.

Машина тронулась. Пол под ногами задрожал, и эта вибрация стала новым голосом мира — жёстким, металлическим, не терпящим возражений. Автозак вгрызлся в метель, раздвигая её, как нож раздвигает тьму, и с каждым метром деревня становилась всё дальше, пока не исчезла совсем, будто её никогда и не было.

В этот момент Барбарис впервые ощутил контраст, от которого хотелось кричать: хрупкость человеческой жизни — против бездушной машины государства. Его пальцы судорожно сжимали край скамьи, ногти впились в металл, словно пытаясь найти опору в мире, который вдруг стал чужим и враждебным. Он был маленьким, уязвимым, живым — а вокруг него была сталь, приказы и метель, которая стирала следы.

Но где-то в глубине груди, под слоем страха и боли, начало разгораться что-то ещё — не надежда, нет. Это была ярость. Холодная, острая, как лезвие ножа. Ярость на то, что его вырвали из дома. На то, что никто не попытался помочь. На то, что мир вдруг показал своё истинное лицо — жестокое, равнодушное, беспощадное.

А потом метель расступилась, и впереди показалась серая коробка военкомата — приземистая, угрюмая, с решётками на окнах, словно она сама была тюрьмой. Автозак остановился, двери распахнулись, и новый поток холода ворвался внутрь.

— Выходи, — прозвучал тот же безликий голос.

Барбарис поднялся, чувствуя, как ноги дрожат, но теперь эта дрожь была не от страха — она была от напряжения, от готовности встретить то, что ждёт впереди. Он шагнул наружу, в белую мглу, и в этот миг понял: зов войны больше не был загадкой. Он был реальностью. И теперь Барбарис был частью этой реальности — хочет он того или нет.

Метель кружила вокруг, пряча прошлое и обнажая будущее — тёмное, кровавое, полное чудовищ. Где-то там, за снежной завесой, ждали зомби-псы, танки, набитые мертвецами, и колдун Говночист, подчинивший саму смерть. И Барбарис знал: скоро ему придётся встретиться с этим лицом к лицу. Но сейчас он был здесь — на пороге новой жизни, где каждый шаг будет стоить дорого, а каждый выстрел может стать криком отчаяния... или актом возмездия.

Глава 3. «Первый бой и запах гнили»

Передовую нельзя было назвать местом — это была дыра в реальности, где земля забыла, что значит быть землёй. Она стала месивом из снега, грязи и чего-то тёмного, липкого, вьедющегося в ботинки, в одежду, в кожу. Барбарис стоял среди окопов, ещё не понимая, что уже не принадлежит себе: его тело было здесь, а разум всё ещё метался между родной деревней, дедом у печи и тем безмолвным ужасом автозака.

Но реальность ударила быстро и грубо.

Первым пришёл запах. Он не подкрался — он обрушился, как удар кувалдой по груди. Гниль. Не просто испорченное мясо, не просто разложение. Это была гниль с привкусом магии — тяжёлая, маслянистая, будто сама тьма пропитывала молекулы воздуха, чтобы отравить каждого, кто посмеет дышать. Барбарис закашлялся, прижал рукав к лицу, но запах проникал сквозь ткань, оседал на языке, заставлял желудок сжиматься в тугой узел.

— Не вдыхай глубоко, — хрипло бросил сосед по окопу, парень с лицом, покрытым инеем и копотью. — Это не просто мертвечина. Это его работа. Колдуна.

Барбарис хотел спросить «кого?», но не успел.

Вой пришёл первым. Не человеческий, не звериный — а искажённый, вывернутый наизнанку. Он был похож на скрежет металла, на треск льда, на стон умирающего мира. Он шёл не из одного места, а отовсюду: из метели, из земли, из самих теней. И в этом вое слышался приказ.

А потом появились они.

Зомби-псы неслись сквозь белую мглу, как живые торнадо из когтей и зубов. Их шерсть стояла дыбом, обледенелая, но в ней не было жизни — только напряжение, готовность рвать. Глаза горели не огнём, а тьмой — будто внутри них не осталось ничего, кроме пустоты, которую чем-то накачали до предела. Пасти были распахнуты, обнажая зубы, слишком длинные, слишком острые, будто выкованные из стали.

Они не бежали — они летели. Метель не замедляла их, она становилась их союзником, пряча количество, размывая очертания, превращая атаку в кошмар, где враг был везде и нигде.

Первая волна ударила по флангу. Крики смешались с воем, выстрелы — с хрустом костей. Барбарис видел, как один из бойцов попытался отмахнуться прикладом — и как пёс, не замедляясь, перелетел через бруствер, вцепился ему в горло, повалил, разорвал. Всё заняло секунды. Секунды, которые растянулись в вечность.

Кто-то рядом закричал:

— Огонь! Огонь по фронту!

Барбарис поднял автомат. Руки дрожали, но не от холода — от того, что реальность вдруг стала слишком острой, слишком настоящей. Он нажал на спуск, и оружие дёрнулось в руках, выплёвывая смерть. Пули уходили в метель, в тени, в размытые силуэты. Он не видел, куда попадает. Он просто стрелял, потому что остановиться означало умереть.

Страх был первым. Он сковывал, делал движения неловкими, превращал каждый вдох в испытание. Но потом страх начал меняться. Он не исчезал — он переплавлялся. В холодную ярость. В злость на эту войну, на колдуна, на этих тварей, на саму реальность, которая позволила этому случиться. Барбарис стрелял и чувствовал, как страх становится топливом, как он питает каждое движение, каждый выстрел.

Ещё одна стая ударила по центру. Псы прыгали, рвали, сметали всё на своём пути. Один из них перелетел через окоп, приземлился в паре метров от Барбариса. Их глаза встретились на долю секунды — и в этом взгляде не было ни голода, ни ярости. Только пустота. Пустота, которая хотела поглотить.

Барбарис выстрелил в упор. Голова пса взорвалась брызгами крови и осколками костей, и он рухнул, но на его место уже мчались другие.

— Гранаты! — крикнул кто-то, и в воздух полетели тёмные цилиндры, исчезая в метели, чтобы через мгновение разорвать её вспышками.

Взрывы гремели, как удары грома, но даже они не могли заглушить вой. Он становился громче, настойчивее, будто сам воздух вибрировал в такт атаке. И тут Барбарис понял: вой — это не просто звук. Это сигнал. Каждый новый залп, каждый новый рывок стаи был синхронизирован с этим звуком. Колдун управлял ими не только магией — он управлял ими через этот вой, превращая его в команду, в ритм, в пульс войны.

Земля под ногами дрогнула. Не от взрывов — от чего-то большего. Барбарис поднял голову и сквозь снежную завесу увидел очертания техники: танки, идущие сквозь метель, их башни медленно поворачивались, выискивая цели. А за ними, в глубине, мелькали фигуры — зомби-солдаты, двигавшиеся с неестественной синхронностью, будто их кости были скреплены не сухожилиями, а проводами.

Рядом упал боец, схватившись за бок. Его лицо исказилось от боли, но он всё ещё пытался ползти, всё ещё пытался выжить.

— Держи линию, — прохрипел он, глядя на Барбариса, и в этом взгляде было не столько приказа, сколько просьба: не дай этому закончиться здесь.

Барбарис кивнул. Он не знал, что делать, но знал одно: стоять. Стрелять. Не сдаваться. Потому что если он сдастся, то эта гниль, этот вой, эта тьма поглотят не только его — они поглотят всё, что он помнил, всё, что любил.

Он перезарядил автомат, чувствуя, как пальцы, онемевшие от холода, снова обретают силу. Страх ушёл, оставив после себя твёрдую, холодную решимость. Теперь он видел не просто врагов — он видел угрозу, которая хотела стереть мир с лица земли. Искажённая природа, извращённая магия, армия нежити — всё это было оружием тьмы, и только живые могли ей противостоять.

Новая волна зомби-псов ударила по окопам, и на мгновение показалось, что линия обороны рухнет. Но Барбарис не отступил. Он стрелял, кричал, толкал соседей, заставляя их держаться. Они были слабы, измотаны, напуганы — но они держались. Потому что знали: если они отступят, то эта тьма пойдёт дальше, поглощая деревни, города, целые миры.

Метель кружила, пряча ужасы и обнажая их снова и снова. Каждый выстрел отзывался в груди, как удар сердца. Каждый крик — как напоминание, что они ещё живы. И пока они были живы, у них был шанс.

Когда атака наконец начала стихать, когда вой стал тише, а тени отступили в белую мглу, Барбарис опустился на дно окопа, прислонившись спиной к промерзшей стене. Его руки всё ещё сжимали автомат, пальцы побелели от напряжения. Он смотрел на свои ладони, будто пытаясь понять, как они могли столько выдержать.

Вокруг лежали раненые, мёртвые, осколки снарядов и куски разорванной реальности. Запах гнили не уходил — он вёлся в кожу, в волосы, в самое нутро. Но теперь Барбарис знал: это не просто запах. Это метка. Метка войны, которая выбрала его.

Он поднял голову и посмотрел в сторону горизонта, где сквозь метель едва угадывались силуэты танков и тёмные фигуры, движущиеся вперёд. Там, за этой завесой, был колдун Говночист. Там был источник этой тьмы. И Барбарис понял: первый бой он пережил. Но настоящая война только начиналась.

Глава 4. «Колдун Говночист: имя, которое боятся произносить»

Ночь на передовой была не просто отсутствием света — она была живой. Она дышала, шевелилась, ползла по окопам, цепляясь за плечи, за воротники, за самые потаённые уголки

души. Метель утихла, но тишина оказалась страшнее любого ветра: в ней слышался шёпот, который никто не решался назвать голосом. Казалось, сама земля шепчет имя, которое здесь не произносят вслух.

Барбарис сидел у едва тлеющего костра, прижимая озябшие ладони к скудному теплу. Пламя было жалким, почти стыдливым — оно не разгоняло тьму, а лишь выхватывало из неё отдельные детали: усталые лица, потухшие глаза, руки, сжимающие оружие так, будто это была единственная связь с жизнью. Рядом с ним, ссутулившись, сидел сержант — мужчина с лицом, изрезанным шрамами и годами, в котором не осталось ни юношеской надежды, ни наивности, только горькая, выстрадавшая мудрость.

— Не повторяй это имя, — тихо, почти беззвучно произнёс сержант, когда Барбарис, набравшись смелости, прошептал: — «Говночист»...

Барбарис вздрогнул, будто от удара.

— Почему? — спросил он, хотя уже знал ответ по тому, как дёрнулись плечи у соседей, как тени вокруг костра на миг стали гуще, будто откликнулись на звук.

Сержант посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалось не раздражение, а усталость от бесконечной необходимости объяснять очевидное тем, кто ещё не успел пропитаться ужасом этой войны.

— Потому что здесь слова имеют вес, — ответил он, понизив голос до шёпота, который, казалось, боялся быть услышанным даже пламенем. — Здесь имя — это ключ. А он... он ждёт, когда кто-нибудь повернёт его в замке.

Вокруг костра воцарилась тишина, в которой каждый слышал собственный пульс. Кто-то нервно сглотнул. Кто-то крепче сжал автомат, будто оружие могло защитить от того, что нельзя увидеть.

— Рассказывай, — попросил Барбарис, чувствуя, как холод, до этого лишь снаружи, теперь ползёт изнутри, по венам, по костям, добираясь до самого сердца.

Сержант вздохнул, и этот вздох был похож на прощание с чем-то светлым.

— Говорят, он был обычным шаманом в забытом богом поселении, — начал сержант, глядя не на Барбариса, а в пламя, будто там, в танцующих языках огня, видел картины прошлого. — Не злым, не добрым — просто человеком, который слишком глубоко заглянул в трещины мира. А когда заглянул — не смог отвести взгляд. Тьма посмотрела на него в ответ... и они договорились.

Пламя на мгновение вспыхнуло ярче, будто само решило подчеркнуть важность сказанного, а потом снова опало, оставив лишь тусклый свет, который делал тени ещё более зловещими.

— Он нашёл способ подчинить смерть, — продолжил сержант, и в его голосе не было ни пафоса, ни драматизма — только сухая, горькая констатация факта. — Не победить её, не обмануть, а именно подчинить. Сделать её своим инструментом. Его ритуал питается не только кровью — он питается страхом. Чем больше мы боимся, тем сильнее он становится. Каждая капля ужаса, каждый крик, каждая мысль «я не выживу» — это топливо для его магии.

Барбарис вспомнил запах гнили, который въелся в кожу, в волосы, в самое нутро. Вспомнил пустые глаза зомби-псов, в которых не было ни голода, ни ярости — только бездонная пустота, готовая поглотить всё живое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.